

АННА ДЕМИНА

МЕНЯ ЗОВУТ МЗУНГУ

Как я стала врачом-инфекционистом,
вирусологом, рок-музыкантом,
танцором Фламенко и попала в Африку

Анна Демина

Меня зовут Мзунгу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67714121

ISBN 9785005655271

Аннотация

Книга Анны Деминой уникальна: она даёт читателям возможность увидеть изнутри интересную, сложную работу вирусолога и врача-инфекциониста. Долгое время тема вирусов оставалась уделом узкого круга специалистов – но всё изменила пандемия Covid-19. Анна Демина – одна из тех, кто каждый день на передовой защищают человечество от самых разных болезней. Она приглашает вас в свой мир: полный загадок, опасностей и невероятных открытий – остаётся лишь раскрыть книгу и отправиться за ней.

Содержание

ПРОЛОГ	7
I. СОКРОВИЩА СТАРОГО ДОКТОРА	12
II. ЧЕРНОБЫЛЬ. НЕЭВАКУИРОВАННЫЕ ЖИТЕЛИ	17
III. ЦЫГАНСКИЙ ТАБОР	25
IV. РАЙСКИЕ ПТИЧКИ	30
V. РЕКВИЕМ ДЛЯ НЕГО	45
VI. КАК Я СТАЛА ВИРУСОЛОГОМ	55
VII. ЭБОЛА. ИЗНАНКА ПРОФЕССИИ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Меня зовут Мзунгу

Анна Демина

Дизайнер обложки Ольга Миниярова

Фотограф Ольга Бернадская

Редактор Мина Иосифовна Зельцер

Редактор Эсфирь Натановна Зельцер

© Анна Демина, 2023

© Ольга Миниярова, дизайн обложки, 2023

© Ольга Бернадская, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0056-5527-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Демина Анна Владимировна, к.м.н., врач, писатель

Демина Анна Владимировна (1980 г.р.) – кандидат медицинских наук, врач-инфекционист, учёный вирусолог, писатель. Автор более 50 научных публикаций. Родилась в г. Новосибирске, Россия. Детство провела в Беларуси. Окончила Новосибирский Медицинский Университет. Поступи-

ла в аспирантуру на базе ФГУН Государственный Центр Вирусологии и Биотехнологии «Вектор» в г. Кольцово, Новосибирская область. Исследования по теме диссертации проводила в г. Стокгольм, Швеция, на базе Шведского института по контролю над инфекционными заболеваниями. Защитила кандидатскую диссертацию в 2012 году. Пост-докторат проходила в Университете им. Давида Бен-Гуриона в Негеве, г. Беер-Шева, Израиль. За время своей профессиональной деятельности работала в Уганде, Африке, где был написан первый рассказ «Меня зовут Мзунгу». В дальнейшем появились новые рассказы, которые вошли в состав книги.

Жанр – нон-фикшн, автобиография, мемуары, где увлекательно описаны истории из жизни и профессиональной деятельности врача-инфекциониста.

ПРОЛОГ

Самолёт приземлился в международном аэропорту Даллес в Вашингтоне. Я прошла паспортный контроль, получила багаж и вышла в зал ожидания. Над головами встречающих возвышалась табличка с моим именем. Это было неожиданно, но приятно, и в духе Дэйва. Конечно, я бы узнала и увидела его даже без этой таблички. Он был такой высокий, что всегда возвышался над людьми, и такой статный, что нельзя было не обратить на него внимание. Думаю, он просто хотел меня развеселить при встрече или симитировать официальный приём. Дэвид Франц был армейским полковником в отставке и директором Медицинского научно-исследовательского института инфекционных болезней армии США.

История нашего знакомства была логичной для наших профессий. Однажды Дэвид приехал в Россию с лекцией по особо опасным инфекциям для Новосибирского Государственного Университета. В тот день мой научный руководитель, Нетёсов Сергей Викторович, попросил меня переводить его лекцию на русский язык, так как в ней было много специфических терминов, которые обычный переводчик мог не знать.

После лекции мы отправились в научный музей, и я осталась в роли переводчика. Мы сели с Дэйвом на соседние сиденья в автобусе и завели разговор. Вот в тот момент и за-

вязалась наша дружба. Это мы ещё не раз будем с Дэйвом вспоминать и назовём «кармическим днём».

Первая встреча с профессором Дэвидом Францем на лекции в Новосибирске

Мы обменялись контактами и, после возвращения Дэвида в Америку, начали переписку. У нас даже появилась замечательная традиция – «письма по четвергам». Дело в том, что я работала врачом в центральной клинике города, и ездить туда было проще на метро, чем на машине, дабы избежать пробок. Каждый четверг в поездке я писала Дэйву о своих паци-

ентах, о делах, о новостях, а он мне писал про свою жизнь.

Позже мы познакомили мою дочку Софию с его внучкой Анной, эту девочку из Китая удочерила семья старшего сына Дэвида. Ещё Мэт и его жена Амелия усыновили русского мальчика Колю, а потом у них родился свой ребёнок. Так они стали счастливой семьёй с тремя детьми. Выяснилось, что один из сыновей Дэйва родился в один день со мной, поэтому профессор всегда вовремя поздравлял меня с Днём рождения. Конечно, мы созванивались видеозвонками, и по видеосвязи познакомились с его прекрасной женой Пэт.

Пэт – красивая женщина, такая тонкая и такая сильная духом. Она всегда светила улыбкой при встрече. Пэт преподавала музыку детям. И потрясающе готовила. Думаю, за каждым успешным мужчиной стоит вот такая женщина.

В мае 2017 меня пригласили с докладом на конференцию в Америку, в Вашингтон. Дэвид Франц жил недалеко от этого места, и я специально приехала на пару дней раньше, чтобы погостить у них с Пэт.

После весёлой встречи в аэропорту мы направились к машине, где нас ждала его супруга. Мы ехали по живописной дороге, мимо одноэтажных особняков, как в голливудских фильмах. Дом Дэвида находился рядом с озером и зелёным лугом, в тихом месте, самом подходящем для отдыха. Сам дом был построен в стиле кантри, с деревянными перекрытиями и большим деревянным столом в гостиной. Несколько спален было обставлено в винтажном стиле, со множеством

декоративных подушек на больших кроватях. И, вместо того чтобы устроиться отдыхать, я принялась фотографировать комнаты, так хотелось показать их моей семье.

Дэйв ждал меня на кухне, разогревая еду, заранее приготовленную супругой. Она также испекла для нас свои знаменитые «Брауни» – типичные американские шоколадные пирожные. Политые взбитыми сливками, они были подобны самому большому искушению, и какую бы диету я не соблюдала, от «Брауни» отказаться не могла.

Вечер стал таким уютным и располагающим к беседам, что мы много часов, не прекращая, рассказывали друг другу истории из своей жизни. Мы вспоминали, как Дэйв изменил одним мигмом мою судьбу.

И тут Дэвид воскликнул: «Анна, напиши книгу из всех твоих историй! Это нужно печатать!».

– Кто, я? Книгу? – рассмеялась я в ответ.

– Обещай мне, что напишешь! – не сдавался он.

Я продолжала пить свой зелёный чай с «Брауни», улыбаясь в ответ. Я ещё не знала, что напишу эту книгу: как решила стать врачом-инфекционистом, а потом – учёным-вирусологом. Напишу, как работала в Швеции, в Африке и в Израиле. Я не знала, что перееду из Израиля в Испанию. Никто ещё не представляет, что в мире случится пандемия Коронавируса Covid-19, и как она повлияет на многие судьбы. Врачи начнут консультировать по телефону и видеозвонку. А вирусологи станут известными людьми.

Я сидела в особнячке в Америке ночью на кухне в гостях у Дэвида Франца и не догадывалась, что эта ночь станет такой решающей.

Дэйв, я посвящаю эту книгу тебе, я очень хочу, чтобы ты её прочитал на английском языке. И мне ещё предстоит много работы, чтобы опубликовать её. Но эта книга действительно появилась на свет благодаря твоему восклицанию!!!

I. СОКРОВИЩА СТАРОГО ДОКТОРА

*Тайное рано или поздно становится явным.
Сократ*

Детство я провела на юге Беларуси, в городе Гомеле, у бабушек и дедушки со стороны мамы. Большую часть времени я была с моей прабабушкой – Кольцовой Надеждой Александровной, которая стала для меня няней. Она была врачом-инфекционистом и работала врачом ещё во время второй мировой войны. Прабабушка лечила такие заболевания, которые в современном мире считаются почти забытыми: брюшной и сыпной тиф, холеру, малярию.

Она происходила из купеческой семьи. Родилась в Москве, но вскоре семья переехала в Сибирь. Её отец приехал из Москвы в Томск для открытия оптово-розничных чайных магазинов знаменитых купцов Губкина и Кузнецова. В Томске на улице Загорной стоял их красивый деревянный дом, не сохранившийся до настоящего времени. Образование она получила в Томском медицинском университете. Вышла замуж за поручика Белой Гвардии Колчака Григория Кольцова, который был до этого семинаристом и прекрасно пел. Его постигла страшная участь того времени: он был объявлен врагом народа, арестован и расстрелян. После

гражданской войны и потери мужа Надежда Александровна с сыном переехала в Новосибирск.

Перипетии жизни сделали её сильной женщиной. Она также руководила инфекционной больницей, когда к ним поступали эвакуированные во время войны люди, пленные немцы или японцы. Всё это происходило в условиях эпидемии туберкулёза, вспышках дизентерии и множества других инфекций на фоне разрухи, голода и холода в Сибири.

Слева направо: моя прабабушка Кольцова Надежда Александровна, моя мама Александра (2 месяца), бабушка Кольцова Раиса Николаевна и дедушка Кольцов Георгий Григорьевич

Помню её крепкую руку, которой она больно сжимала мою ладонь, когда мы шли по улице. Помню её лекарственные сиропы. Помню, как много книг она мне читала, а я в это время заплетала косички на бахrome её ковра, который висел на стене по старой традиции. С ней всегда было спокойно. Даже не могу сказать, почему я вела себя тихо и послушно, серьёзно и вдумчиво. Она была для меня символом выдержанности, мудрости и ума.

В бабушкиной спальне стоял большой платяной шкаф, двери которого закрывались на ключи. Ключ от главной двери всегда был спрятан. Её открывали по особым случаям. На одной из полок в шкафу стоял металлический сундук. Взрослые шёпотом говорили, что мне нельзя его трогать. Открывать его можно было только им. Видимо там хранились сокровища. Так, по крайней мере, я думала, когда мне было 5 лет.

Однажды я договорилась с дедушкой, чтобы он показал мне, что лежит в шкафу и объяснил, почему это нельзя трогать именно мне. Он взял ключ в руку, заговорщицки посмотрел на меня, подмигнул, приложил указательный палец к губам. Мы тихонько зашли в прабабушкину спальню. Это было так волнующе, как будто мы зашли в гробницу Фараона, и собирались открыть главный тайник. Ключ щёлкнул в замке, дверь заскрипела, и перед нами засиял «сундук с сокровищами».

Дедушка осторожно достал его и поставил передо мной.

Он щёлкнул двумя замками и открыл крышку. Это был металлический бикс для стерилизации медицинских инструментов: внутри лежали многоразовые стеклянные шприцы, многоразовые иглы, хирургические ножницы с загнутыми вверх концами, скальпель, металлическая лопатка для осмотра горла.

«Какие бесценные вещи!» – думала я и в тот момент хотела обладать именно этим набором. Это было действительно сильным впечатлением детства.

С наступлением эры одноразовых медицинских инструментов мне всё-таки подарили этот бокс. Надо сказать, что все игрушки тут же стали пациентами. Каждая кукла и каждый плюшевый мишка получили по уколу. Далее в ход пошёл скальпель. Игрушки были исследованы на наличие внутренних органов. Вообще первой моей мечтой было стать хирургом. Собственно поэтому я практиковалась.

Даже в институте я устроилась работать медицинской сестрой в хирургическое отделение 1-й больницы скорой помощи, для того, чтобы иметь самую интенсивную практику. Это были лихие бандитские девяностые в России. «Скорые» привозили нам избитых, пострадавших в авариях на дорогах, порезанных ножами, битыми бутылками, раненых огнестрельным оружием; разорванное, оторванное и кровавое. И конечно грыжи, аппендициты, язвы, кишечную непроходимость и другие заболевания, требующие срочного оперативного вмешательства. Лучшее место для хирургической

практики и воспитания бесстрашия.

Сокровища старого доктора повлияли на мой выбор стать врачом. Возможно, окончательное влияние всё-таки шло от самой прабабушки, потому что я выбрала специальность инфекциониста вместо хирургии. И продолжила семейную традицию. А заодно стала обладателем одной из самых редких профессий в мире.

II. ЧЕРНОБЫЛЬ. НЕЭВАКУИРОВАННЫЕ ЖИТЕЛИ

*Затрубил третий ангел.
И большая звезда, как огонь факела,
слетела с неба и упала на третью часть
рек и водных источников.
Называется эта звезда – Полынь.
Треть всей воды сделалась как полынь,
и много людей умерло от этой
воды – такой она была горькой.*

Апокалипсис, 8 глава, стих 10—11

Я расскажу эту историю глазами шестилетней девочки, которая жила в Гомеле, Беларуси в 130 км от Припяти, где располагалась Чернобыльская АЭС. Чернобыль – в переводе с украинского «Полынь».

Обрывки воспоминаний, которые должны остаться на бумаге для будущих поколений, как это было.

26 апреля 1986 года мы с другими детьми гуляли на улице во дворе нашего многоэтажного дома. Дул мерзкий ветер, казалось, что он с песком, а песок пронизывает тебя насквозь. Это был странный ветер, иначе бы я его не запом-

нила. Помню ещё, что мне хотелось домой, чтобы укрыться от него.

В следующие дни взрослые начали странно себя вести. Мне дали выпить красного вина, заставили съесть банку морской капусты и полстакана грецких орехов. Может быть я бы и про это забыла, но с того дня каждый день всё лето мне давали какой-то из этих продуктов. Кстати, теперь я не пью красное вино и не ем морскую капусту.

На даче у нас появился интереснейший прибор – «Дозиметр». Дача была в чудном районе с сосновыми лесами, мхами, грибами. В 5 км от небольшого городка Ветка.

Карта распространения Цезия-137. Город Ветка – в «закрытой» зоне

Всех жителей Ветки эвакуировали в конце апреля 1986 года, город стал похож на призрак: пустые дома, закрытые магазины, тишина и пустота. Так выглядит и Припять сейчас. Но тогда мы ездили на велосипедах посмотреть на это зрелище, как на экскурсию. Мы залезали в брошенные сады, чтобы поесть яблок и, кто б их мыл, протирали об майку – и в рот.

Как много мы не понимали. Вокруг нас лежали осадки йода-131 и цезия-137. Эпицентр был именно в этом городе. До сих пор там лежит цезий-137.

Единственное, что мы запомнили, что в лес ходить нельзя. Потому что дозиметр трещал зловеще ещё в нескольких метрах от него. Лес был запрещённым местом всё моё детство – с 6 до 18 лет. Никогда я не заходила в лес, даже не подходила близко. Я не знала вкуса грибов, потому что они были запрещены к употреблению и до сих пор содержат радиоактивные вещества там. Я не умею искать и собирать грибы. Я не ориентируюсь в лесу и могу легко заблудиться. Лес – вечный очаг радиации, потому что в этой экосистеме она плохо выводится.

Дозиметром мы проверяли все корнеплоды, овощи и ягоды на даче. Когда он трещал, то овощи варились в трёх водах: закипело – сливалось, закипело – сливалось и т. д. Всё мылось и перемывалось, пока дозиметр не успокаивался.

У нас выросла странная клубника: самые большие и нелепой формы ягоды отдавались мне, как ребёнку. А ведь это были ягоды-мутанты: сросшиеся или гигантских размеров. Я действительно думала, что нормальная клубника – размером с ладонь, этак 10 см. Чаще всего у нас вырастало что-то гигантское и аномальной формы. А мы дивились и ели это.

Йод-131 быстро стал замещать обычный йод в щитовидной железе людей, и начались патологии вплоть до рака щитовидной железы. Всем нужно было принимать нормальный йод для замещения. Йод также препятствовал накоплению в организме цезия и стронция.

Красное вино не «выводило» радиацию, но являлось мощным антиоксидантом. То есть подавляло действие свободных радикалов и тормозило окислительные процессы в организме, которые запускаются, в том числе радиацией. В этом смысле его можно считать хорошим профилактическим средством.

Лето 1986 года, я на даче на фоне кустов аномальной клубники

Употребление 5 грецких орехов в день защищало от повышенной радиации. Грецкие орехи повышали устойчивость к рентгеновским лучам высокого напряжения.

Цезий-137. Самое неприятное в этом радиоизотопе – это его период полураспада – 30,17 года. Самое приятное – он тут же образует соединения с кислородом, все его соединения легко растворимы и смываются водой. Но он способен накапливаться в тканях человека. Быстро всасывается в кровь, разносится по всему телу, позже может концентрироваться в нижнем отделе кишечника. Цезий-137 повышает артериальное давление (сужает сосуды) и вызывает саркому.

В Беларуси многие наши знакомые скончались от каких-то форм рака, и моя прабабушка-инфекционист умерла в тот же год. Позже мой дедушка заболел раком, а ведь он постоянно жил рядом с Веткой. А его жена, моя бабушка всю жизнь имела проблемы со щитовидной железой. У большинства молодых девушек случались выкидыши или мертворождения. И таких трагедий в моём окружении много.

Животные рождались с патологиями и быстро погибали. Говорят, пауки перестали плести симметричные паутины,

и у них получалось нечто странное.

Я ценю всё, что сделали для меня взрослые. Запрет на лес, промывка продуктов, орехи, морская капуста и красное вино. А сколько они и не смогли проконтролировать! Сколько мы открываем только сейчас, спустя почти 40 лет. И теперь дети учат в школе механизм аварии, способ остановки ядерного реактора и причины ошибки в управлении АЭС.

Мой ребёнок знает во много раз больше об этом, чем я в её возрасте.

Как жаль, что мы оставляем им и нашим потомкам эту проблему. Им ещё предстоит сделать новый саркофаг и думать над безопасной энергией.

Чернобыль – трагический урок человечеству.

III. ЦЫГАНСКИЙ ТАБОР

Ай, ромалэ, ай, чавалэ!

Ай, ромалэ, ай, чавалэ!

Ай, цыгане, ай, ребята.

Ай, цыгане, ай, ребята.

Цыганская народная песня

Грозой нашего района был цыганский табор, через который нужно было незаметно пройти на местный рынок. Вопросы «как пройти в детскую поликлинику?» или «который сейчас час?», оставляли ответчика без денег и в состоянии гипноза до конца дня.

Цыганки были профессионалами своего дела, и ещё они были настолько традиционными, что им не хватало только медведя для полного антуража. Платки на головах, чёрные длинные косы, золотые зубы, длинные многослойные юбки, шали, гипноз и гадание по руке, «предсказание твоей судьбы за 5 мин», «полная диагностика вашего здоровья за 3 минуты».

В этот злополучный день 18 марта у меня был День рождения. Кажется, мне исполнялось 11 лет. Мама дала мне 100 руб. на покупку продуктов и отправила на рынок и в ма-

газин. Сто рублей десятирублёвыми купюрами были свёрнуты в трубочку и аккуратно заложены в варежку на резиночке. Да, март в Сибири был такой же суровый, как и вся зима.

Я шла по «опасной» дорожке, крепко сжимая пачку десятирублёвок. И конечно, цыганка уже поджидала свою добычу за углом. Она просто спросила: «Который час?». И не могла не заметить, что рука с часами не сгибается в варежке. В благодарность за мой ответ она сказала, что видит на мне порчу и болезнь, что не могло не огорчить меня прямо в мой День рождения. Она уверенно предложила мне немедленно удалить это. Очень быстро цыганка рванула три волосинки из моей чёлки и начала что-то шептать на них.

Я внимательно смотрела, как меня «исцеляют». В заключение ритуала цыганка предложила мне завернуть волосы в любую бумажную купюру и закопать в полуоттаевшей земле. Хмм. Мелких купюр у меня было, а доставать десятирублёвую бумажку из скрученной пачки было явно сложно. Я мешкала.

Но нас начали окружать другие цыганки: разноцветный табор с улюлюканьем, с шумом и гамом, что явно ввело меня в ступор.

Цыганка быстро протянула руку к моей варежке. В этот момент что-то произошло, и я осознала, что варежка болтается на резиночке, а денег в моей ладони нет. Никаких. Денег не было и в руках цыганки. Она подула на свои пустые ладони, как хороший фокусник. Помахала кистями в возду-

хе, как бы разгоняя «сглаз и порчу» и объявила, что теперь я совершенно здорова.

Я стояла в полном шоке, ощущая себя добровольцем в цирке, которого фокусник вытащил из зала. И в это же время ясно осознавала, что теперь ни салатов, ни лимонадов, ни торта с вишенкой на моём праздничном столе не будет.

Цыганский табор исчез в пространстве, как будто его и не было. Я стояла одна на улице. Как?

Всё, это был конец моему празднику. Оставалось два выхода: идти домой и признаваться маме или...

...Идти в милицию! Где же у нас милиция?

Рядом находилась станция метро «Площадь Карла Маркса». И в ней было локальное отделение милиции. Я побежала туда со слезами и криками: «Помогите, меня ограбили!»

Высокий милиционер (как дядя Стёпа) взял меня за руку и спросил, кто это сделал? Я описала цыганский табор у входа в метро. Тот понимающе нахмурился, вызвал напарника, и они вдвоём пошли наверх. Там они поймали самую старую цыганку из всего табора. От чего я ещё больше расстроилась, ведь не она же меня грабила. Я даже пыталась сказать милиционерам, что это не та. Потому что мне казалось, что наказывать нужно виновных, а не самых старых, которые не могут быстро убежать от сотрудников милиции.

Но милиционеры были профессионалами. Они знали, ко-

го ловить. Нас отвели в комнату за решётку и заперли дверь. Начался допрос старой цыганки.

– Доставай деньги, – предложили ей по-хорошему. Но цыганка утверждала, что у неё ничего нет.

– Послушай, ну не будем же мы задирать твои юбки, давай сама! – тут я с удивлением узнала, что юбки у цыганок многослойные.

Добрый и плохой милиционеры по очереди то уговаривали, то угрожали старой смотрительнице табора.

Я сидела на деревянной лавочке напротив и смотрела на это всё, как будто шло второе действие циркового представления.

Наконец, цыганка сдалась и начала поднимать один подол за другим. Самая последняя юбка имела большой карман, из которого милиционер стал доставать деньги и выкладывать на стол передо мной. Мятые денежные купюры разного достоинства, мои скрученные десятки – полный подол дневного заработка цыганского табора лежал теперь на столе.

– Твои деньги? – спросил милиционер.

– Мои, – ответила я. Я счастливо смотрела на свою трубочку из купюр. И ничего больше не имела в виду.

– Забирай всё, – скомандовал милиционер.

– Всё!? Всё-всё? – я не верила в происходящее. Но ми-

лиционер уже складывал деньги в большую пачку, которую протянул мне.

– Это всё мне? – удивлённо спросила я. Милиционер раздражённо хмыкнул и сказал: «Марш домой, некогда нам тут с вами возиться, и больше с цыганами не связывайся!» Я расписалась в каком-то документе, взяла купюры и засунула их в карман.

Старая цыганка смотрела на меня своим страшным сверкающим взглядом, а я смотрела на неё и медленно шла к выходу. Дуэль взглядами была похожа на телепатический диалог, где она обещала ещё встретить меня на улице, а я предупреждала, чтобы они больше не смели так делать, иначе это опять плохо закончится.

Я возвращалась домой, размышляя, а имела ли я право забирать всё? Хотя с другой стороны, это была как будто награда за то, что я не сдалась, не растерялась, не испугалась цыганской магии, смогла сама решить свою проблему, без помощи родителей. Сама привлекла милицию, сама расписалась в протоколе. В конце концов, я была уже на год взрослее!

Праздник в этот день был чудесным: с салатами, лимонадами, конфетами и тортом с вишенкой.

Грозой нашего района был цыганский табор у входа на рынок. Грозой цыганского табора была одна девочка 11 лет, и никто её никогда больше не трогал.

IV. РАЙСКИЕ ПТИЧКИ

*В каморке, что за актовым залом,
Репетировал школьный ансамбль
Вокально-инструментальный
Под названием «Молодость».
Ударник, ритм, соло и бас...*

Песня «Вечная молодость», группа Чиж и Ко

Школа-гимназия №10, с углублённым изучением английского языка, была знаменита на весь город. Городские олимпиады по английскому всегда выигрывались учениками. Лучший тренер в городе по бегу воспитывал спортсменов, которые занимали призовые места на всех забегах. Самое же главное, что школа была источником творчества и самовыражения. Каждый выпуск славился своей рок-группой. Сначала нашими кумирами были «Горячие панки» и их рыжий барабанщик. На стенах, на заборах по пути в школу красовались их красные логины «Hot punks».

За ними появилась «Анатомия души» во главе с Ильёй Соколовым. По традиции мы называли её «Anatomy of soul», потому что они пели на английском. Сначала песни «Нирваны», потом свои собственные. Илья был ещё более харизматичным, более красивым и разбивал хрупкие сердца девочек. Его рок-группа в итоге стала известной на всю Россию.

Я была на год младше Ильи, мы с ним вместе учились в школе, а после уроков вместе играли в одном театре. Могу признаться, что лавры Ильи не давали мне покоя, и я тоже хотела петь в рок-группе, но они не брали девочек.

Моя мечта реализовалась в начале учебного года в десятом классе, когда мы распределились по специальностям. В моём «медицинском» классе собрались девочки с музыкальным образованием. Ровно 5 творческих личностей, которые хотели создать женскую рок-группу. Это был наш ответ предыдущим группам с их мачизмом. Никаких споров между нами не было, и каждая из нас быстро решила, кем будет в группе. Так появились барабанщица, басистка, клавишница, соло-гитаристка и я стала солисткой.

Группа «Райские птички»: справа налево – Ермильчик, Ушачок, Степашка, Беня. Фотограф – наша клавишница

Как у всех музыкантов у нас автоматически возникли псевдонимы: барабанщица была – «Степашка», басистка – «Беня», клавишница – «Хоботкова» или «Холодильник», соло-гитаристка – «Ермильчик», а я «Ушачкова» или «Ушачок». Всё это были производные от наших фамилий, совершенно натуральным образом возникшие в творческой среде.

Далее пошли перемены внешние. Наша соло-гитаристка покрасила волосы «Зелёнкой», басистка наплела нам столько фенечек, что у каждой из нас обе руки до локтя были ими увешаны. Я же решила проколоть ухо, и сделать это отлични-

тельной чертой своего стиля. По всем правилам это нужно было сделать в левом ухе и нечётное количество дырок. В целом места хватило только на пять. Но и этого было достаточно, чтобы «довести до инфаркта» моих родителей. Помню, как мама присела на стул, долго молчала, потом попросила время, чтобы подготовить папу. Поэтому я ещё пару недель ходила с распущенными волосами, закрывающими уши. Однако окончательная идея вставить в левое ухо пять английских булавок от большой до маленькой выдала меня. Зрелище было явно привлекающее внимание, все смотрели на моё ухо: кто с восхищением, кто с удивлением, а кто с ужасом. Но главная цель – выделяться – была однозначно достигнута. Далее появились рваные джинсы, множество металлических колец на пальцах и странные ботинки на больших подошвах.

Теперь нам нужно было название: шокирующее, противоречивое и вызывающее. Мы решили называться рок-группой «Беспредел», но чтобы это было ещё загадочнее, и чтобы только избранные понимали истинный смысл, название было переведено на английский – «Баундлес» (англ. Boundless). Не знаю, почему мы перевели именно так, ведь мы вкладывали смысл, как «произвол, беззаконие, своеволие», а получилось как-то более поэтично «безграничный, бескрайний». Не удивительно, что в нашей школе название всем понравилось, даже учителям.

С этого момента мы стали учиться играть на своих инструментах. Да, да, до этого ни одна из нас не умела ни ба-

рабанить, ни играть на гитаре. Мы все учились в музыкальных школах в классах фортепиано. Одна только клавишница в совершенстве владела своим инструментом. Несмотря на то, что я с самого начала собиралась только петь, я подумала, что нам не хватает ритм-гитары. В итоге я тоже начала учиться играть на акустике, которую я выпросила дома у своей мамы.

Первую бас-гитару мы купили у какого-то панка за 100 рублей. Для этого мы наплели из бисера фенечек, которые сдали на продажу в один туристический магазинчик. Магазин их продавал за 20 рублей и делился половиной от выручки. Итак, мы зарабатывали по 10 рублей с каждого браслета, и очень скоро выкупили первую гитару для нашей группы.

Первая барабанная установка нам досталась в наследство от «Горячих панков» и «Анатомии души». Нам посоветовали найти школьного звукооператора дядю Костю, который нам мог её выдать для репетиций.

Дядя Костя работал «в каморке, что за актовым залом». Это был высокий худощавый мужчина с большими глазами и всклокоченными волосами. В один прекрасный день после уроков пять девочек завалило в его тесное помещение с новостью, что мы новая рок-панк-женская группа и нам срочно нужно открыть актовый зал для репетиций и поставить на сцену барабанную установку и подключить к колонке бас-гитару. Ни одна мускула на его лице не дрогнула, он

даже не был удивлён. Вероятно все предыдущие годы с одним и тем же требованием к нему вламывались ещё более панковские панки и крутые рокеры. Мы же были почти милыми и безобидными, и вряд ли могли вызывать опасения, что мы проломим барабан или разобьём гитару об сцену.

Дядя Костя даже начал учить барабанщицу каким-то базовым ритмам и нашёл электрогитару для соло-гитаристки. Самое главное, что он открывал нам школьный актальный зал, ставил оборудование на сцену, включал микрофоны, регулировал звук и слушал наше завывание столько, сколько мы репетировали, никогда не намекая, что уже поздно, и у него закончен рабочий день.

Вскоре клавишнице родители подарили современный синтезатор, который мог имитировать множество звуков, что, безусловно, обогащало наше музыкальное звучание. А затем родители барабанщицы купили ей домой свою собственную барабанную установку, которая заняла треть её комнаты. С этого момента мы стали репетировать у неё. Совершенно не понимаю, как соседи терпели наше творчество, но мы репетировали с полноценным звуком. Чуть позже кто-то из знакомых рок-музыкантов дал мне электрогитару, я стала ритм-гитаристкой. Теперь мы могли считаться полноценной рок-бандой.

Мы начали репетировать с песен Егора Летова, нашего сибирского панка: «Всё идёт по плану» и «Ходит дурачок по лесу». Причём у нас были свои идеи, как петь рок-пес-

ни. Мы разложили партию на три голоса: клавишница, басистка и я имели три разных тембра – сопрано, меццо-сопрано и контральто. Песни зазвучали в своём неповторимом стиле: женский многоголосый рок. Каждая следующая песня теперь раскладывалась по голосам. Следом пошли песни групп: Чиж и Ко, Чайф, ДДТ и Наутилус Помпилиус. Наконец, вдохновлённые успехом, мы начали писать свои авторские тексты и песни. В итоге наш собственный репертуар начал расширяться и обогащаться. Самой продуктивной была басистка, она написала много песен, которые вошли в наш репертуар. Я тоже писала песни, иногда даже на стихи классиков и мне нравился готик-рок.

На один концерт мы сшили тёмные длинные плащи с большими капюшонами, скрывающие наши лица. В полутьме мы вышли в таком облачении на сцену, бас начал соло, затем я дёрнула басовые струны на своей электрогитаре, нажала на педаль дистёршн, мы насладились этим прекрасным мощным звуком и запели загробными голосами песню на слова Николая Гумилёва, которые как никакие иные подходили под готический стиль:

*Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.*

Когда мы сказали – довольно?

*Давно ли, и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачет.*

*Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вечно прекрасны.*

*Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
Поставлены рядом.*

Концерт удался. У нас даже появился фан-клуб из младших классов, они приходили к нам на репетиции в актовЫй зал или ходили за нами по пятам на переменах.

Вместе с репертуаром росла наша известность в музыкальных кругах, в итоге мы переместились репетировать в Дом Культуры, рядом со школой, а там у нас появился продюсер – Олег Борисович Лапин. Это был длинноволосый рокер, всегда одетый в джинсы и джинсовую куртку не зависимо от сезона. В городе он был самым крутым и известным звукорежиссёром. Поэтому он организовывал концерты для популярных групп и исполнителей. Благодаря ему мы постоянно попадали на концерты рок-звёзд. Он начал нас продвигать в музыкальных кругах города. К лету мы вышли на такой

уровень, что нас пригласили петь на летний рок-фестиваль.

Группа «Райские птички» с продюсером Олегом Лапиным. Концерт на школьном выпускном, 1997 год

В центре города всегда для этого монтировали большую сцену, и группы, постоянно сменяя друг друга, выступали в течение всего дня. Центральную улицу всегда перекрывали, и от реки Обь до центра она становилась пешеходной. Люди скапливались на площади около сцены, чтобы насладиться общением, рок-музыкой и попрыгать, трясая головами.

Когда подошла наша очередь выступать, ведущий кон-

црта забыл название группы на английском – «Баундлес», а русского перевода он не знал. Поэтому сымпровизировав, он громко крикнул в микрофон: «Рок-группа „Райские птички“! Встречайте!»

Что? Что он сейчас произнёс? Как он посмел назвать нас таким идиотским названием? Толпа подхватила эту идею, и мы услышали свист, и ор подвыпивших зрителей: «Райские курицы! Давайте! Перепёлки! Курицы!»

Какой удар был нанесён по нашему самолюбию. Впервые кто-то не воспринял нас всерьёз, не понял, что женщины тоже могут организовать рок-группу. Да, и в 16 лет мы были взрослыми, а они свистели нам, как детям. Как они смели! Несмотря на это группа выступила. Но с тяжёлым сердцем, и с рухнувшей верой в себя девочки разошлись по домам.

Менее вдохновлённые, мы продолжали репетировать. И вот после одной репетиции мы шли поздно вечером домой с гитарами за спинами, и зашли в маленький круглосуточный магазинчик, чтобы купить хлеба. Рассчитавшись на кассе, мы пошли к выходу, но двери нам загородила большая компания парней старше и выше нас. Они окружили нас кольцом, и это было похоже на то, что живыми мы не уйдём. Сначала я подумала, что они нас хотят ограбить, и прикинула, сколько денег в кошельке у меня осталось. Самый дерзкий парень выступил вперёд и сказал: «Это вы группа „Райские птички“?» В этот момент мы все побледнели, наши ноги стали ватными, и мы проглотили языки. Они нас узнали.

Во времена 90-х в нашей стране класс «гопников» активно напал на класс «неформалов», к которому принадлежали мы. Драки между этими двумя классами были повсеместно, и, как правило «гопники» побеждали. Во-первых, потому что они всегда ходили большими компаниями, во-вторых, они считали себя «реальными пацанами» и имели связи, по одному свисту к ним присоединялось больше «чётких пацанов» с района. Шансов у «неформалов» не было.

Мы стояли, окружённые этими ребятами, уже ясно представляя, как будем побиты, автоматически прикрывая руками грудь и живот. Я даже пыталась предугадать, когда они начнут нас бить, прямо в магазине или дадут выйти на улицу? Продавец мог вызвать милицию, но до её приезда мы уже будем корчась лежать на газоне. Напоследок я подумала, что муки нужно принимать гордо, и уверено сказала: «Да, мы группа „Райские птички“!» Что со мной случилось? Какие птички? Мы ведь были группой «Баундлес»?!

Неожиданно для нас парни оживились, расплылись в улыбке, и стали на нас смотреть с каким-то неподдельным восхищением. Главарь банды начал искать по карманам то ли ручку, то ли бумажку: «Девчонки, дайте нам свои автографы, пожалуйста!» Они начали наперебой говорить, что они наши поклонники, что мы им нравимся, что они безумно рады лично познакомиться. В итоге нашлись и ручки, и какие-то бумажки, и мы начали оставлять свои автографы.

Васе с любовью от группы «Райские птички»

Вывела я на листочке, и подумала, что в этот момент мы приняли это новое название группы. С этого вечера и до конца нашей карьеры мы теперь «Райские птички». Ведь люди в городе запомнили нас именно под этим именем. Нас узнают на улице под этим названием. Не это ли пришла слава?

Домой мы возвращались на крыльях. Мы теперь были известной в городе женской рок-группой, с прекрасным названием, которое никто уже не перепутал бы.

В одиннадцатом классе мы поступили на подготовительные курсы в Медицинский институт, куда ходили после репетиций с гитарами за спиной. Занятия проходили в главном корпусе, где находилась администрация. Тут на нас обратил внимание декан лечебного факультета Ганин Анатолий Фёдорович. Он был творческим человеком и всегда организовывал концерты и КВНы в институте. Мы сразу были приглашены выступить у них. Анатолий Фёдорович так и стал нашим следующим патроном.

Ничего не могло сложиться лучше, чем это знакомство. Наша судьба была predetermined, лечебный факультет ждал нас. В апреле учебного года мы сдали экзамены подготовительных курсов, и уже были «приняты» в Медицинский институт, ещё не закончив школу. Можно сказать, что музыкальная карьера проложила нам путь к карьере врачей, даже predeterminedли нашу специализацию. Именно «лечеб-

ный факультет». Ганин не отдал бы нас никакому другому.

В Медицинском институте стали учиться четверо из нас. Группа продолжала выступать, и мы сохраняли наш неформальный имидж.

Акустический концерт, г. Новосибирск, 11 июля 2003 года

Помню, как начался первый цикл «терапевтических болезней» в больнице, и нас – студентов-медиков – послали к настоящим пациентам в палаты. Ощущая себя почти врачами, мы распределились по отделению. Я зашла к своей пациентке и уселась напротив неё, закинув ногу на но-

гу. Коленка оголилась в рваных джинсах, ботинок с большой подошвой висел в воздухе, фенечки с названиями рок-групп падали на запястье, мешая писать историю болезни, а в ухе красовались булавки. Пациентка очень странно смотрела на меня и неохотно отвечала на вопросы. Однако я привыкла к таким взглядам, даже воспринимала это как внимание к моей персоне. Всё-таки рок-звезда.

После осмотра я вернулась в ординаторскую, чтобы продолжить заполнять историю пациентки и сделать назначение препаратов. В этот момент дверь кабинета приоткрылась и в ней появилась женщина, которая обратилась к заведующей отделением. Доктор подняла голову и спросила, чего она хочет? Больная немного помялась и жалобно попросила: «Извините, а можно мне заменить доктора?». Тут все мы с интересом посмотрели на женщину. К моему удивлению, это была моя пациентка.

– А что не так с вашим доктором? – раздражённо спросила заведующая.

– Я ей не доверяю, – неуверенно объяснила пациентка.

– Кто ваш доктор? – и заведующая стала внимательно смотреть в лица студентов-медиков. Мы встретились с ней глазами: меня выдавали красные щёки, фенечки, рваные джинсы, и «чёрти чё» в левом ухе. Она некоторое время смотрела на мой антураж и раздумывала.

– Мы заменим вам врача, идите, – обещала она больной.

Дверь тихонько закрылась, доктор ещё раз взглянула

на меня и коротко сказала: «Завтра прийти в нормальной одежде, и вынуть булавки из уха».

Компромисс вроде был найден. Действительно с тех пор для пациентов мы держали некий дресс-код, который по умолчанию остаётся имиджем врача. С тех пор вместо булавок у меня пять аккуратных серёжек, а количество браслетиков значительно уменьшилось. Рок-группа просуществовала до конца учёбы в Медицинском институте. Потом началась работа, ночные дежурства, семьи, дети, и музыка просто ушла на задний план, выполнив в нашей жизни важную роль творческой самореализации. Люблю наше время «Райских птичек».

V. РЕКВИЕМ ДЛЯ НЕГО

*Lacrimosa dies illa
Qua resurget ex favilla
Judicandus homo reus.
Huic ergo parce, Deus:
Pie Jesu Domine,
Dona eis requiem. Amen.*

*Полон слёз тот день,
Когда восстанет из праха
Чтобы быть осуждённым, человек.
Так пощади его, Боже,
Милостивый Господи Иисусе,
Даруй им покой. Аминь.*

Реквием, Лакримоза, В. А. Моцарт

Он всегда хотел, чтобы я стала врачом. А сам он был ЗНАХАРЕМ.

Он учил меня собирать травы, сушить, хранить и использовать их. У него была толстая рукописная тетрадь с рецептами и названиями трав. Он мог сделать любой лечебный сбор. Он знал, как лечить практически все болезни растительными настойками.

Лето я проводила с ним на природе. Он будил меня с первыми лучами солнца. Мы искали полураспустившиеся бутоны календулы, срезали их и сушили на чердаке. Днём мы хо-

дили по полям и искали молодой жёлтый бессмертник. Венчики бессмертника сушились на рейках под крышей.

На лугу мы срывали пижму. В детстве я верила, что это ромашки, потерявшие свои лепестки. Ромашки лечебные были в нашей коллекции обязательно. А ароматные чабрец, укроп, кинза, мята, мелисса, лимонная трава – всё росло в саду у дома.

Мой дедушка Кольцов Георгий Григорьевич и я (4 месяца, 1980 г.)

Он умел делать химические растворы для защиты расте-

ний от болезней и вредителей. Его «лаборатория» содержала мешочки, баночки и коробочки с разноцветными порошками и кристаллами. Тогда я верила, что алхимики и философский камень существуют.

Я училась у него всему. Самое интересное было смешивать растворы и порошки. Несколько раз я путала правильные пропорции препаратов и у меня были сильнейшие отравления. После чего ему приходилось возвращать меня к жизни. Но я навсегда запомнила, что нужно строго следовать протоколам.

Один раз я беззаботно съела ягоды с куста, который он обработал медным купоросом. В литературе по судебной токсикологии препараты меди по их действию обычно относят к деструктивным ядам; это свойство их особенно резко проявляется в изменениях печени и почек. При отравлениях же медным купоросом происходит гибель эритроцитов, что характерно для действия гемолитических ядов. Разрушение эритроцитов, малокровие, желтуха и отложения гемосидерина в печени, селезёнке и почках.

Моё состояние было тяжёлым. Но он снова нашёл способ меня вылечить.

Но однажды заболел он. Врачи диагностировали рак мочевого пузыря. Несмотря на операцию, метастазы пошли в лонную кость. Для лечения можно было применять только химио- и радиотерапию. Доктора сказали, что осталось пару месяцев жизни.

Но он нашёл великолепную схему приёма трав, и начал её использовать. Этот фито-протокол продлил ему жизнь на целых 11 лет, несмотря на приговор врачей. Каждый год он пил курс настоек лечебных трав и продолжал жить.

Впоследствии эту схему мы давали многим людям с онкологическими заболеваниями. И большинству она продлила жизнь.

В тот самый критический момент жизни, когда ему впервые диагностировали рак, он стал слушать классическую музыку. Более всего он любил «Реквием» Моцарта. У него был старый проигрыватель. Я помню эту большую чёрную виниловую пластинку. И даже знала, с какого деления начинается «Лакримоза» в Реквиеме. Эту часть мы любили слушать вместе. Я даже пела:

*Lacrimosa dies illa
Qua resurget ex favilla
Judicandus homo reus.
Huic ergo parce, Deus:
Pie Jesu Domine,
Dona eis requiem. Amen.*

Я с дедушкой на даче близ Ветки, Беларусь, 1987 год

Спустя 9 лет с того момента я купила ему CD диск «Реквием» Моцарта, стала врачом и учёным.

Нам казалось, что мы победили болезнь.

Но однажды ему стало плохо, появилась слабость и боль в ногах. Вызвали скорую. Фельдшеры немедленно забрали его в хирургию. Кажется, они подозревали тромбоз вен. Я ехала за «скорой» на своей машине, глядя в закрытые задние двери с красными крестами. Боялась отстать, мы пролетали светофоры и перекрёстки. Я боялась потерять из виду эти двери.

Мы прибыли в старую больницу на окраине города. Много часов обследований и консультаций. Наконец, нам разрешили ехать домой, и выдали направление к онкологу.

На следующий день мы уже были на приёме в областном онкологическом диспансере. Врач сделал пункцию лимфатических узлов и отправил на диагностику в лабораторию.

После этого онколог позвал меня в кабинет, одну. Я помню, что он предложил ему посмотреть музей камней, удалённых после мочекаменной болезни, а меня потянул за руку в ординаторскую.

– Это его последние две недели, – вынес вердикт доктор.

– Что? – как будто не расслышала я.

– Это последние две недели жизни.

– В каком смысле? – прояслила я, как будто у этих слов должен был быть иной смысл.

– Мы ничем не можем ему помочь.

– Как же НИЧЕМ? А операция?

– Технически она не возможна. Это множественные метастазы тромбируют вены.

– Радиотерапия?

– Он уже получил максимальную дозу, больше облучать нельзя.

– Химиотерапия?

– Поймите, даже если она продлит жизнь на ещё две недели, но этот месяц пройдёт в жуткой интоксикации, слабости и депрессии. Вы бы хотели пожелать ему такого состояния?

– Нет!!! – возразила я. Но что мы можем для него сделать?

– Сделайте эти последние две недели его жизни максимально счастливыми.

Наш разговор был, конечно, дольше. Конечно, я спорила с онкологом, я перебирала намного больше способов лечения. Но его ответ сводился к одному «СДЕЛАТЬ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ МАКСИМАЛЬНО СЧАСТЛИВЫМИ».

И конечно, я не хотела верить, что это последние две недели. Но я знала это. Так я попала в ад. Знаете, где он? Он находится между мозгом и сердцем. Это то, что ты чувствуешь и о чём думаешь. И ты уже в аду, где очень плохо.

...Я вышла из ординаторской, нашла его в музее, и мы по-шли в машину. Молча. Молча сели. У меня в горле застрял ком, который вызывал физическую боль и не давал даже возможности ни сглотнуть, ни говорить.

Он молча достал диск «Реквием» из бардачка машины. И включил его. Он сделал громкость на максимум, открыл окна машины и попросил гнать на максимально разрешённой скорости. Чёртова Лакримоза, чёртов Моцарт. Откуда он знал, что скрипка пилит мозг, так тонко и остро. Я умирала с каждым звуком за каждый следующий день.

*Lacrimosa dies illa
Qua resurget ex favilla
Judicandus homo reus...*

Мы ни о чём не говорили, молчали, и я пыталась угадать в его молчании, понимает ли он, почему молчу я?

В конце концов, я никому не рассказала про эти две недели. Потому что я не хотела делить эту боль ни с кем. Потому что мне важно было, чтобы эти две недели вокруг все были счастливы. Он тоже меня не спрашивал, я так и не знаю, догадывался ли он, что это конец.

Это было чудесное, солнечное, весёлое лето. А последние

две недели были самыми насыщенными. Мы путешествовали, делали, что хотели, покупали, что хотели, ели и пили, что хотели. Только я отрывала листы календаря 9, 8, 7, 6...1. Это был последний день. Он позвонил мне сообщить, что сменил тарифный план и присоединил меня в «друзья», и теперь мы можем бесплатно и безлимитно разговаривать по телефону.

Ровно через 30 минут он умер. Тромбоэмболия лёгких. Мгновенная смерть. Ровно через 2 недели, как сказал онколог. Ровно через 14 дней по моему календарю.

А через день мой телефон зазвонил. Я сидела в своей машине и удивлённо смотрела на экран, где высветилось его имя. Я точно знала, что это он, поэтому подняла трубку: «Алло?»

Какой-то шум раздавался на том конце.

«Алло? Слушаю тебя», – повторяла я.

Звук, похожий на радиоволну, продолжался, скрипел, стучал и подсвистывал. Я слушала, как будто хотела что-то разобрать. Что-то важное, о чём мы не договорили. И вдруг поняла!

«Я всегда буду о тебе помнить... Хочешь, я поставлю для

тебя „Реквием?“» – и включила музыку, потом завела мотор. Мы снова неслись на машине с открытыми окнами с ним и с Моцартом. Как в тот день.

ЛАКРИМОЗА. РЕКВИЕМ ДЛЯ НЕГО. В ПАМЯТЬ
О НЁМ. «Милостивый Господи Иисусе, Даруй покой.
Аминь».

VI. КАК Я СТАЛА ВИРУСОЛОГОМ

Scio me nihil scire.

Я знаю, что ничего не знаю.

Сократ

После окончания медицинского университета я поступила интернатуру по инфекционным болезням. Из 300 человек нашего лечебного факультета только четверо выбрали это направление. Мы все оказались в интересном месте, где клиника и научно-исследовательский институт находились на одной территории и тесно сотрудничали друг с другом.

Один врач-интерн с лета работал в вирусологической лаборатории. По пути в больницу и обратно он неизменно развлекал нас захватывающими историями из области науки.

Ежедневно в дороге мы проводили по два часа, поэтому рассказы превращались в бурное обсуждение. Так я узнала, как выращивают вирусы, как их секвенируют, как открывают новые, а ещё про создание вакцин, про генную инженерию, про молекулярную биологию. Всё это был неведомый доселе мир.

В конце концов мне захотелось работать в этой же лаборатории. Я пришла в отдел кадров научно-исследовательского института, написала заявление с просьбой взять меня лабо-

рантом и оставила своё резюме.

Через несколько дней мне позвонил заместитель директора по научной части и спросил, почему я хочу работать в лаборатории. Я страстно описала как мне интересно работать в науке, хотя не имела ни единого дня опыта.

– Мы не можем взять вас лаборантом, – ответил он.

– Как? Ну можно я буду мыть посуду или убирать в лаборатории? Ну хоть что-нибудь?

– Нет, – звучал его приговор. – Но вы можете поступить в аспирантуру по вирусологии и заниматься научными исследованиями.

Всё неожиданно перевернулось. Это совершенно не входило в мои планы, поступать в аспирантуру по вирусологии и сдавать вступительный экзамен. Но наш врач-интерн был несказанно рад этой новости. Он как раз собирался учиться в аспирантуре и серьёзно готовился к этому. Теперь он уговаривал меня поступать вместе с ним и обещал, что на экзамене будет подсказывать и помогать. Я даже купила по его совету книгу из разряда «Занимательная вирусология».

Летом я периодически вспоминала, что её нужно почитать, и дочитала только к сентябрю. Собственно я переложила ответственность на моего товарища и надеялась на его по-

мощь. А он был таким умным, начитанным и ответственным, что на него действительно можно было положиться. Только его телефон не отвечал. Подумаешь! Наверное, сменил номер.

Началась осень. Назначили дату экзамена. Я пришла утром в институт и обнаружила, что стою одна в коридоре. Подождав минут 10—15, я начала нервничать. Никто больше не пришёл, ничего не происходило, не было и моего товарища. Я подошла к кабинету, где должен был проходить экзамен, и приоткрыла дверь. За длинным столом сидело четверо серьёзных мужчин, а справа за отдельным столом – маленькая милая светловолосая женщина.

– Здравствуйте. А где все? – растерявшись, спросила я. Действительно, ничего глупее невозможно было сказать.

– Вся комиссия в полном составе здесь. Мы ожидаем вас, – ответила улыбающаяся женщина.

– Я подожду, когда подойдёт ещё один человек, и мы зайдём вместе, – быстро придумала я.

– Девушка, вы одна зарегистрированы на экзамен, проходите в кабинет, мы вас ждём, – прозвучал басистый голос, это был председатель приёмной комиссии.

Дрожь пробежала по моему телу и выступила испарина. Одна на экзамене? Где мой товарищ, кто мне будет помогать? Однозначно нужно было уносить ноги от предстоящего позора.

– Извините, я не буду сдавать экзамен, до свидания, – выпалила я и закрыла дверь.

Я направилась по коридору к лестнице с твёрдым решением быстрее покончить с нелепой ситуацией. Даже успела спуститься на один пролёт вниз.

– Стоять!!! Стоять!!! – услышала я. – Куда это ты направилась?

Сверху на лестнице стояла та самая милая женщина и строго смотрела на меня.

– Я иду домой. Понимаете, я не очень хорошо знаю вирусологию, вряд ли я сдам экзамен.

– Ты что же думаешь?! Такая комиссия из четырёх профессоров собралась ради тебя одной, а ты просто так хочешь уйти? – она решительно спускалась вниз.

Взяв меня за руку, как ребёнка, она потянула меня обрат-

но.

– Нееет. Пожалуйста, отпустите меня, я ничего не знаю, я не могу... – молила я её. Какой ужасный момент стыда и позора.

– У тебя будет время подготовиться, – обещала мне женщина. – Всё будет хорошо.

Она буквально затолкнула меня обратно в кабинет и торжественно пригласила выбрать билет по вирусологии.

Я ощущала полную безысходность момента. Попытка побега провалилась, и теперь на меня были направлены все взгляды. Отступить было некуда. Трясущейся рукой я потянулась за одним билетом, потом передумала, и потянулась за другим, напрягая экстрасенсорные способности по выбору самого лёгкого из них. Скорее это был обман сознания, такая иллюзия выбора.

Как сейчас помню, из трёх вопросов самый главный был про Лихорадку Западного Нила. Впоследствии она войдёт в область моих научных интересов, но в тот момент она вызвала только сильную дрожь.

Секретарь усадила меня за стол с ручкой и бумагой. Наступила звенящая тишина, в которой я пыталась сделать вид, что уже знаю, о чём писать. Ручка деловито выводила на бумаге название лихорадки. Я даже догадывалась, что она

встречается в Египте, на реке Нил, а скорее всего её переносят комары. Оставалось досочинить симптомы. Без сомнения при всех вирусных инфекциях есть лихорадка, интоксикация, боль в теле, что там ещё?...

В самый трудный момент моих раздумий милая женщина встала со своего места и подошла к профессорам. Склонившись над ними, она шёпотом пригласила их на чай в другой кабинет, а затем повернула голову ко мне и многозначительно подмигнула глазом. Теперь у меня появился «шанс» сдать экзамен, главное нужно было быстро найти ответы в книге, запомнить их и красиво преподнести.

Всё-таки меня мучил вопрос, где мой коллега и почему я сижу на экзамене одна. То есть из 300 человек «Лечебного факультета» Медицинского института и 400 человек «Факультета естественных наук» Новосибирского государственного университета только один человек пришёл поступать в аспирантуру по вирусологии? Нет ли тут какой-то ошибки?

Комиссия вернулась и с наслаждением начала мучить меня. Я вспоминала, что могла, и жалела, что в институте мы абсолютно не уделяли времени вирусологии. Она была частью микробиологии, но бактерий было достаточно для того, чтобы наполнить ими весь курс, а из вирусов мы хорошо выучили только грипп, парагрипп, аденовирус, риновирус и вирусные гепатиты.

Странная наука вирусология была открыта мной только в предыдущем году. А её рассвет приходился на 60-е годы

двадцатого века и, с развитием успеха вакцинации, эпидемии вирусных болезней стали угасать. Перестали циркулировать полиовирус и натуральная оспа. И казалось, зачем учить про эти вирусы, если я их больше не встречу в практике. Также в 60-х придумали множество противовирусных препаратов и, казалось, что делать в этой науке больше нечего. Всё уже изучено.

Экзамен всё-таки закончился успешно. В итоге я получила четвёрку, неплохо для сложившейся ситуации, и была принята в аспирантуру по вирусологии в отдел Флавивирусов и вирусных гепатитов. А моим научным руководителем стал тот самый заместитель директора по научной части.

С этого момента моя жизнь навсегда изменила направление. Спасибо моему пропавшему товарищу, спасибо секретарю комиссии, которая остановила меня, спасибо моему научному руководителю, который любил вирусологию.

Как я узнала чуть позже, наш интерн женился летом на девушке, родители которой имели крупную автомобильную компанию, и они уговорили его присоединиться к бизнесу. Поэтому он оставил идею учиться в аспирантуре и даже быть врачом.

Два других интерна ушли в фармацевтический бизнес.

Я же теперь работала в инфекционной больнице, а по вечерам проводила научные исследования в той самой лаборатории, в которой так мечтала работать.

Кажется, это была судьба.

VII. ЭБОЛА. ИЗНАНКА ПРОФЕССИИ

5 мая 2004 года

Я врач-интерн в приёмном покое Областного центра СПИД и особо опасных инфекций. Молодая, мечтающая и смелая. Хочу спасти людей от самых страшных инфекций в мире.

Пять минут назад я закончила писать историю болезни пациента и заварила чашечку чая.

В тот же день на «Векторе» лаборантка Антонина Преснякова прошла инструктаж и медосмотр, а затем приступила к инъекциям подопытным морским свинкам, инфицированным вирусом Эбола. Закончив эксперимент, Антонина стала надевать колпачок на иглу шприца, и в этот момент её рука дрогнула. Игла проткнула две пары резиновых перчаток, которые были на руках Пресняковой, и проколола кожу на левой ладони.

В результате произошло заражение геморрагической лихорадкой Эбола. Несмотря на проводимую терапию, 19 мая 2004 года больная умерла. Ей было 46 лет.

Весь мир облетела эта печальная новость. Эбола всколыхнула мир ещё тогда. Впервые вирус Эбола был идентифици-

рован в экваториальной провинции Судана и прилегающих районах Заира в 1976 году. Вирус был выделен в районе реки Эбблы. Это дало название вирусу.

Вирус распространялся через прямой контакт с жидкостями организма, такими как кровь, от заражённых людей или других животных. Распространение могло также произойти от контакта с предметами, недавно загрязнёнными биологическими жидкостями.

Смерть наступала обычно на второй неделе болезни на фоне кровотечений и шока. Максимальная летальность 90%.

После госпитализации Антонины к нам поступили три человека, которые с ней контактировали. Я внимательно осмотрела всех, записала «истории болезни». Мы всех положили в специальные Мельцеровские боксы для наблюдения.

К пятнице стало понятно, что Антонина заболевает лихорадкой Эбола. Всё осложнилось тем, что у двоих из трёх остальных также поднялась температура до 38,0-39,0°C.

Я уходила с работы, в панике думая, что я ведь тоже с ними контактировала. Я ясно представляла себе симптомы Эболы. Усталость, слабость, снижение аппетита и головная боль, кажется, уже начинались и у меня.

Я держалась до тех пор, пока не зашла домой и не закрыла за собой входную дверь. В этот момент из меня вырвался крик в пространство: «Я не хочу умирать, я не хоооооччччу умирать». Я рухнула на постель, уткнулась лицом в по-

душку и начала рыдать.

Ясно понимая, как всё может развиваться, осознавая драму происходящего, я ревела. Ведь я только что начала работать врачом-инфекционистом, и мне было так жалко себя, так страшно, так обидно, что всё сейчас может закончиться. Тогда я подумала о хрупкости человеческой жизни, как её сложно обрести и легко потерять. Я буквально кричала в пространство: «Я не хочу умирать!!!»

После двух дней рыданий на выходных я вернулась на работу. Вместе с Антониной остался наш врач-реаниматолог, который должен был провести с ней всё время до выздоровления или смерти, плюс инкубационный период от последнего дня контакта. Он не вернулся в этот день домой. И семья увидит его через 2—3 месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.